

ДИАЛОГ С КЛАССИКОЙ

Об этом концерте в Ростове спорят по сей день

Афиша гласила: Шуберт – Муров. «Одиночество». Оркестровая транскрипция вокального цикла «Зимний путь». Первое исполнение в Ростове.

Слышались реплики недоуменные: кто такой Муров? Пренебрежительные: композитор из Новосибирска – подумаешь! Язвительные: а что, Шуберт приглашал кого-нибудь в соавторы? Перед вами, признаюсь сразу, заметки «адвоката». И задачу свою он видит в том, чтобы без предвзятости выяснить «обстоятельства дела».

Прежде всего, напомним, что транскрипция как особый музыкальный жанр является переделкой, обработкой оригинала, которая претендует на ценность самостоятельного художественного явления. Дискуссии на тему, имеет ли жанр этот право на существование, – чистая схоластика, ибо вопрос давно решен многовековой практикой искусства, и решен положительно. В противном случае следовало бы запретить все литературные переводы, театральные инсценировки, экранизации, даже все вокальные произведения, которые тоже ведь переводят поэзию – на язык другого искусства.

Вопрос следует ставить иначе: зачем, во имя чего сделана транскрипция, оправданны ли неизбежные при всяком переводе потери приобретением нового качества?

Но сначала определим, что же именно сделал Аскольд Муров, чем его версия отличается от оригинала? Начнем с самого очевидного: певца сопровождает не фортепиано, а большой симфонический оркестр. Скептики должны признать, что наш современник реализовал идею, заложенную в стиле великого композитора, ведь его песни – произведения не просто вокальные, но вокально-инструментальные, где фортепианная партия, при всей ее кажущейся простоте, выполняет многообразные смысловые функции, включает зачастую несколько фактурных пластов. Более массивная звучность сопровождения невольно побуждает и солиста использовать иную исполнительскую интонацию – укрупненный штрих, несколько приподнятую подачу музыкальной мысли.

Однако внешние эти отличия суть наружное проявление отличий сущностных, глубинных. Изменение состава исполнителей требует иных условий исполнения и восприятия: крупное оркестровое сочинение должно звучать в большом концертном зале, а не в камерной обстановке. Это в свою очередь порождает определенную психологическую установку слушателя. Иными словами, произведение меняет свою жанровую принадлежность, из камерно-вокального становится вокально-симфоническим. Но и это не самоцель, а только средство, предпосылка. Суть же в том, чтобы на основе оригинала создать собственную концепцию.

Романтический герой шубертовского цикла обращается теперь не столько к себе самому, возлюбленной или близкому другу, сколько к миру, к человечеству – такова природа симфонического жанра. Неудивительно, что в круге его чувств и мыслей оказываются усиленными героическое начало, дух противления бездеятельности и косности, ледяным панцирем сковавшими всё вокруг (Шуберт создал свой шедевр в атмосфере жесточайшего полицейского режима, установившегося в Австрии после Венского конгресса 1815 года). Таковы в интерпретации Муро́ва песни «Бурное утро», «Бодрость» («Будем петь среди громов, страх и скорбь забудем! Если в мире нет богов, мы богами будем!»), «Ложные солнца», к которой композитор дописывает величественное траурно-триумфальное заключение, отсутствующее в подлиннике. Меняется оттенок и трагедийных страниц цикла: они перестают восприниматься в сугубо интимном плане, приобретают более обобщенный характер. Чего стоят, например, ассоциации, вызываемые ударами колокола, звенящими во многих песнях: воображение невольно рисует огромное пространство, если хотите, образ Мира, по которому бредет, проваливаясь в снег, скиталец. В музыке Шуберта, таким образом, подчеркнуто бетховенское начало, отнюдь не чуждое, кстати говоря, творчеству первого композитора-романтика. Старший современник и соотечественник, Бетховен был его кумиром.

Новое сочинение наделено и свойствами оперы, еще одного монументального по природе жанра. Точнее говоря, и здесь как бы материализовано то, что было скрыто в поэтике «Зимнего пути».

Косвенным, хотя, на мой взгляд, достаточно убедительным свидетельством глубины и серьезности работы Муро́ва может служить тот факт, что в ней своеобразно преломились характерные черты его творчества в целом. Это касается и отдельных приемов композиции, например, стереофонических эффектов (вспомним переключку закулисного струнного квартета со сценическим оркестром в песне «Весенний сон») и более общих черт эстетики и стиля. Муров тяготеет к масштабным, концепционным жанрам. Им создано семь симфоний, крупные вокально-симфонические полотна. Симфонист по складу мышления, он и камерные сочинения насыщает большими философскими идеями.

В контексте творчества Муро́ва, художника глубоко национального (даже еще конкретнее – сибирского), его транскрипция шубертовского цикла воспринимается как явление русской культуры. Возможно, мое ощущение покажется чересчур субъективным, но не сказалось ли на трактовке образа главного героя «Одиночества» увлечение Блоком (нашедшее воплощение в «Блокиане»), которому принадлежат слова: «В поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим, чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает „свое“ и „не свое“, поэтому в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также переполняются бурей и тревогой».

Остается только добавить, что обсуждаемое сочинение прозвучало в исполнении солиста Московской филармонии, лауреата международных конкурсов С. Яковенко, тонкого и вдумчивого музыканта, замечательного советского камерного певца, обладающего необъятным репертуаром, истинного рыцаря этого жанра, автора книги и статей о камерно-вокальном исполнительстве. За годы регулярных выступлений в Ростове он завоевал безупречную профессиональную репутацию, каждый приезд певца в Ростов с нетерпением ожидает значительный отряд поклонников его таланта, к каковым принадлежит и автор этих строк.

Симфоническим оркестром дирижировал горьковчанин А. Скульский, сумевший составить вместе с солистом великолепный ансамбль. Благодаря их энтузиазму, артистизму и мастерству исполненное произведение воплотилось убедительно и ярко. После концерта ряды сомневающихся заметно поредели.

Комсомолец. 1982. 07 дек.